

Одна наша коллега рассказала, как она лет в 12 с другими детьми из пионерлагеря тайно убегали через ограду “на волю”. Рядом проходила железная дорога (которая в этом месте делала резкий поворот, и машинист не мог видеть детей). Школьники “на слабо” должны были стоять на рельсах в тот момент, когда они слышали звук приближающегося поезда. Выигрывал тот, кто смог простоять на рельсах большее количество времени.

Такие “игры на страх и контроль” возникают внутри детского сообщества спонтанно или являются продуманным испытанием новичка, и, несмотря на реальную опасность, они воспринимаются вовлеченными в них как увлекательная игра. В современной России дело с восприятием таких игр обстоит удивительным образом. Родители и учителя, которые сами в детстве почти наверняка играли в такие игры, сейчас зачастую отказываются их помнить, и появление подобных игр оффлайн и онлайн воспринимают как “манипуляцию сознанием” и/или провокацию некоего внешнего врага. После принятия поправок в Уголовный кодекс (статья о склонении к самоубийству) рассказ о практиках вовлечения в различные игры типа “беги и умри” или “группы смерти” стал предметом внимания юристов. С точки зрения властных структур, создающих «легальный текст», подобные игры зачастую не воспринимаются как игры и квалифицируются как общественно опасные действия и в ряде случаев - как преступные. В докладе мы рассмотрим, как возникают такие “игры”, почему они сейчас так интерпретируются и в чем причина такого восприятия.